ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-56-65
УДК 327(045)

Архитектура евразийской безопасности сквозь призму российских концептуальных подходов*

К.П. Курылев[a], **Н.С. Данюк**[b], **Е.В. Семибратов**[c], **М.А. Никулин**[d]
[a, b, c, d] Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия
[a] https://orcid.org/0000-0003-3075-915X; [b] https://orcid.org/0000-0002-3669-4441;
[c] https://orcid.org/0000-0002-4401-467X; [d] https://orcid.org/0000-0002-0971-0987

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные концепции в сфере безопасности, предлагаемые Россией на пространстве «Большой Евразии». Под «Большой Евразией» авторский коллектив подразумевает пространство всего евразийского материка от Западной Европы до Юго-Восточной Азии. К наиболее сложным проблемам формирования единой системы безопасности авторы относят наличие в указанных пределах большого числа разноразвитых макрорегионов, а также особенности политической ситуации на текущем историческом этапе. Поэтому авторы рассматривают основы безопасности в Евразии через призму безопасности двух континентов одного материка — Европы и Азии. Если проводить сравнительный анализ между этими двумя регионами, то можно увидеть, что институты по обеспечению региональной безопасности в Европе находятся на более высоком институциональном уровне, однако азиатская часть материка полностью избавлена от различного рода моральных последствий холодной войны. Эти обстоятельства делают этот регион более перспективным, с точки зрения базы для выстраивания единой системы безопасности, способной охватить весь материк. Данная тенденция является логическим продолжением того, что центры тяжести глобальной политики и экономики в последние два десятилетия начали перемещение в сторону Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Большая Евразия; Россия; безопасность; политика; ОДКБ; ШОС; НАТО; Китай

Для цитирования: Курылев К.П., Данюк Н.С., Семибратов Е.В., Никулин М.А. Архитектура евразийской безопасности сквозь призму российских концептуальных подходов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2019;9(5):56-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-56-65

ORIGINAL PAPER

Russia's Role in the Formation of the Conceptual Provisions of the Eurasian Security**

K.P. Kurylev[a], **N.S. Danyuk**[b], **E.V. Semibratov**[c], **M.A. Nikulin**[d]
[a, b, c, d] RUDN University,
Moscow, Russia
[a] https://orcid.org/0000-0003-3075-915X; [b] https://orcid.org/0000-0002-3669-4441;
[c] https://orcid.org/0000-0002-4401-467X; [d] https://orcid.org/0000-0002-0971-0987

ABSTRACT

The article analyses the main concepts in the field of security that Russia proposed in the space of "Greater Eurasia". By "Greater Eurasia" the author's team means the area of the entire Eurasian continent from Western Europe to Southeast Asia. The most challenging problems to the formation of a unified security system, the authors include the presence within these limits of a large number of diverse macro-regions, as well as features of the political situation at the current historical stage. Therefore, the authors consider the basics of security in Eurasia through the prism of security of two continents of the same continent-Europe and Asia. If we make a comparative analysis between these two regions, we can see that the institutions for regional security in Europe are at a higher institutional level, but the Asian part of

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00165).
** The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19–18–00165).

the continent is entirely free from various kinds of moral consequences of the "cold war". These circumstances make this region more promising in terms of the basis for building a unified security system capable of covering the entire continent. This trend is a logical continuation of the fact that the centres of gravity of global politics and the economy in the last two decades began to move towards South-East Asia.
Keywords: Greater Eurasia; Russia; security; politics; CSTO; SCO; NATO; China

For citation: Kurylev K.P., Danyuk N.S., Semibratov E.V., Nikulin M.A. Russia's role in the formation of the conceptual provisions of the Eurasian security. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):56-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-56-65

ЧТО ТАКОЕ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРАЗИИ?

Евразия является крупнейшим материком на земном шаре, в состав которого входят несколько стратегически важных с военно-политической точки зрения регионов планеты: европейский, восточноазиатский, южноазиатский, центральноазиатский, ближневосточный и др. Отметим, что традиционно гражданские и военные специалисты в России рассматривают стратегическую безопасность Евразии исключительно в контексте тех регионов, которые непосредственно прилегают к российской границе — это евроатлантика, постсоветское пространство и восточная Азия. Мы полагаем, что безопасность «Большой Евразии» не может быть исследована без подробного анализа региона Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), однако исторически сложившаяся на этом пространстве особая система сдержек и противовесов, а также многосложные геополитические и геоэкономические процессы часто требуют отдельной комплексной экспертизы, поэтому регион БВСА целенаправленно выводится за рамки исследования. Для сравнения, китайские подходы к формированию единого евразийского пространства включают в себя и Ближний Восток (https://mgimo.ru/upload/iblock/92f/elibrary_32501126_66395242.pdf). Это связано с тем, что маршрут Великого шелкового пути исторически проходил через границы стран этого макрорегиона. В настоящее время Китай заинтересован в поддержании стабильности и предсказуемости на Ближнем Востоке, поскольку сухопутный логистический маршрут через это пространство в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь» является одним из наиболее коротких и перспективных.

Безусловно, Россия тоже имеет свои стратегические интересы в этом регионе, хотя на протяжении долгого времени внешнеполитические инициативы Москвы на Ближнем Востоке и в Северной Африке носили исключительно политико-дипломатический или торгово-экономический характер. Однако успешная военная кампания в Сирии ярко сместила тренд в сторону военно-политического присутствия и дальнейшего наращивания влияния Москвы. В связи с этим российская сторона в ближайшее время будет вынуждена включать инициативы по стабилизации Ближнего Востока в общий инструментарий для обеспечения безопасности на пространстве Евразии.

Среди основных евразийских концепций, популярных в России на разных этапах современной политики, необходимо выделить т.н. «Большую Европу» — от Лиссабона до Владивостока,— концепцию евразийства, объединяющую в единое геополитическое и геоэкономическое пространство европейские (Россия, Украина, Белоруссия) и азиатские страны постсоветского пространства (Казахстан, Киргизия, Таджикистан и др.), а также концепцию «Большой Евразии», фактически объединяющей весь континент.

Старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН С. Базавлук отмечает: «Евразийство и проект ЕАЭС разделяют неопределенность понятия „Евразия". Как идеологический концепт, так и его частичное воплощение в экономическом союзе рассматривают Евразию как пространство, на котором исторически доминировала Россия в силу своего географического расположения в европейской и азиатской частях континента» [1].

В западном экспертном сообществе не существует единства даже в отношении целесообразности сохранения Россией своих национальных интересов на постсоветском пространстве, не говоря уже о пространстве всей Евразии. Например, специалисты из Chatham House высказывают полярные точки зрения: некоторые признают «историческое право» Москвы на защиту и сохранение своих позиций в регионе, другие считают, что после развала СССР российской дипломатии не следует вмешиваться в дела постсоветского пространства (https://www.chathamhouse.org/expert/comment/russia-question-sovereignty-and-legitimacy-post-soviet-eurasia).

БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ

На протяжении долгого времени Россия рассматривала формирование единой зоны безопасности в Европе в качестве приоритетной меры. Российская внешняя политика, начиная с начала 1990-х гг., имела ярко выраженный европоцентричный характер. Инициативы в области обеспечения безопасности в Азии оставались лишь на концептуальном уровне, не получая практических механизмов для реализации.

Существующая система безопасности в Европе является логическим продолжением той ситуации, которая сложилась в годы холодной войны. Для того исторического периода было характерно разделение европейского континента на два военно-политических блока — ОВД и НАТО, причем разграничительная линия проходила по странам Центральной Европы. После распада социалистического блока и окончания холодной войны (о чем было объявлено на историческом саммите на Мальте в 1989 г.) генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев заявил о намерении окончательно устранить «железный занавес» (http://www.gorby.ru/presscenter/news/show_29809).

Однако политика НАТО в 90-е гг. была направлена на включение в состав Североатлантического альянса бывших членов ОВД: в результате двух волн расширения 1999 и 2004 гг. НАТО оказалось в непосредственной близости у границ России. Распад СССР стал для национальной безопасности России настоящей катастрофой: западные границы сдвинулись на восток, основные экономические и политические центры Российской Федерации оказались в непосредственной близости от новой государственной границы.

Вопрос о расширении и не расширении НАТО после объединения Германии в 1990 г. стал одним из ключевых в отношениях между Россией и Североатлантическим альянсом и мешал выстраиванию нормальной системы безопасности. Так, в 2007 г. во время своей Мюнхенской речи Президент России В. Путин заявил: «Что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора?» (http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034). Таким образом, Москва продемонстрировала не просто неудовлетворенность текущими процессами в сфере европейской безопасности, но также выразила свое отношение к этой проблеме. Президент РФ заявил о том, что ожидания страны в отношении своих европейских партнеров не только не оправдались — фактически российское государство было обмануто.

При этом в западной историографии дается принципиально иная оценка этим событиям. Европейские эксперты указывают на то, что никаких письменных обязательств со стороны НАТО не было предоставлено, таким образом, претензии России в данной плоскости являются безосновательными [2].

Несмотря на эти обстоятельства, Москва более 20 лет не планировала отказываться от идеи строительства единой европейской системы безопасности. Так, в 2008 г. Президент России Д. Медведев выдвинул идею о подписании договора о коллективной безопасности в Европе. В ноябре 2009 г., незадолго до Лиссабонского саммита ЕС и НАТО, проект текста договора был опубликован официально. Проект договора был подготовлен на основе 5 принципов:

- подтверждение базовых принципов безопасности и межгосударственных отношений на евроатлантическом пространстве;
- недопустимость применения силы или угрозы ее применения в международных отношениях;
- гарантии обеспечения равной безопасности;
- запрет на эксклюзивное право любого государства и международной организации на поддержание мира и стабильности в Европе;
- установление базовых параметров контроля над вооружениями и разумной достаточности в военном строительстве (http://kremlin.ru/events/president/news/6152).

Необходимо подчеркнуть, что за подобными принципами, по мнению члена президиума СВОП, профессора Высшей школы экономики В. Рыжкова, стояли следующие стремления Москвы:

- прекращение процесса расширения НАТО в направлении российских границ, прежде всего невступления в альянс Украины и Грузии;
- отказ от размещения в Европе новых систем вооружения и военной инфраструктуры; количественное ограничение вооружений, их возможное изменение только в согласованном формате;
- разграничение юридически и на практике сфер ответственности между основными организациями безопасности, действующими в регионе «большой Европы» (иначе — «сфер влияния») — НАТО, ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности), ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Евро-

пе), возможно ШОС (Шанхайская организация сотрудничества);

• ограничение односторонней активности США в регионе, в том числе, в тех странах, которые Москва считает «сферой своих жизненных интересов» (https://ria.ru/20091002/187295034.html).

Отметим, что в Европе проект договора о безопасности не вызвал большого энтузиазма. Европейские эксперты отмечали, что предложенной инициативой Россия пытается «связать руки» НАТО, при этом сохранив свое военное присутствие в Молдове, Грузии (http://blog.aktualne.cz/blogy/jiri-just.php?itemid=8241). Е. Журбей в своей статье провел подробный анализ заявлений, которые сделали лидеры стран НАТО, и пришел к выводу, что США и их союзники также не были удовлетворены существующими форматами сотрудничества с Россией, однако, подписать договор об общеевропейской безопасности в предложенной Москвой форме они не посчитали приемлемым [3].

На том этапе следует отметить, что подходы России к созданию правовых инструментов в условиях расширения влияния НАТО в Европе не были поддержаны партнерами. Во многом отказ от подписания договора способствовал активизации России на восточном направлении, причем, до эскалации отношений с НАТО в 2014 г.

В текстах концепций внешней политики России постсоветское пространство всегда указывалось как приоритетное(http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/newsline/6D 84DDEDEDBF7DA644257B 16005 1BF7F; http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE 02Bw/content/id/2542248). Таким образом, роль независимой Украины для обеспечения национальной безопасности в СНГ была значительной. Причем во многом эту роль необходимо рассматривать сквозь призму отношений между Россией и Украиной — двумя ключевыми странами постсоветского пространства.

Украинский кризис и последовавшее за ним обострение отношений по линии Россия — НАТО в среднесрочной перспективе полностью исключило возможность создания единой зоны безопасности от Лиссабона до Владивостока.

Согласно видению российских властей, Украина должна была стать важным звеном в формировании евразийской политической структуры, причем, не только в сфере безопасности. Например, Украина 31 мая 2013 г. подписала меморандум «Об углублении взаимодействия между Украиной и Евразийской экономической комиссией» (http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=246392146). У Киева долгое время сохранялся паритет уровней сотрудничества с ОДКБ и НАТО, что обеспечивало как негласный баланс сил между Россией и НАТО, так и прописанный в Конституции страны внеблоковый статус. Дефакто Украина всегда отдавала предпочтение евроатлантическому вектору, однако, де-юре только после внесения правок в конституцию в 2019 г. был законодательно закреплен курс на вступление в ЕС и НАТО (https://iportal.rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf).

После Евромайдана 2014 г. ситуация изменилась кардинально: Киев начал последовательный курс на сближение с НАТО. В 2019 г. и П. Порошенко, (https://iz.ru/832685/2019–01–10/poroshenko-zaiavil-o-sposobnosti-vs-ukrainy-pereiti-na-standarty-nato-v-2020-godu), и В. Зеленский (https://lenta.ru/news/2019/06/26/standarti) заявили о начале перехода Вооруженных сил страны на стандарты и нормы Североатлантического альянса. Подобные заявления — это прямое отражение общего курса украинского государства на интенсификацию отношений с НАТО с последующим вступлением в альянс. Таким образом, с точки зрения безопасности юго-западные границы России оказываются в уязвимом положении, что требует от Москвы адекватного ответа по двум направлениям:

• развитие отношений в сфере безопасности на евразийском пространстве (что будет рассмотрено дальше);

• усиление военной группировки в Южном военном округе.

По поводу переориентации Украины в российском экспертном сообществе даются разные оценки. Академик РАН, доктор экономических наук, советник Президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции С. Глазьев отмечает, что внешний фактор сыграл ключевую роль в политической переориентации Украины. По его мнению, события 2014 г. являются частью «стратегии нестабильности», с помощью которой США поддерживают мировую гегемонию [4].

Член авторского коллектива, профессор кафедры ТИМО РУДН, доктор исторических наук К. Курылев более сдержан в своих оценках: он считает, что внешний фактор имел место, однако большое влияние на развитие текущего кризиса оказали и внутриполитические особенности украинского государства [5].

Рассматривая евразийский материк как нечто цельное, необходимо также затронуть вопрос включения Украины в единое пространство. С точки зрения экономической интеграции, важнейшим инструментом является ЕАЭС. К. Курылев отмечает: «…Без участия Киева ЕАЭС не способен стать в полной мере конкурентоспособной организацией, а ее участники могут оказаться в числе государств „догоняющего» типа”» [6]. За потерей экономической целесообразности следует переориентация Киева в евроатлантическое пространство, что ставит окончательный крест на планах создания «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока [7].

Отметим, что западное экспертное сообщество нередко в крайне резких тонах отзывается о России, называя ее «угрозой» (https://www.brookings.edu/podcast-episode/is-russia-a-threat). Аналогичные оценки также дают и западные политики. В совокупности это ставит под сомнение реализацию единой системы европейской безопасности с участием России даже в долгосрочной перспективе.

БЕЗОПАСНОСТЬ В АЗИИ

Несмотря на то что усилия России до начала 2010-х гг. в большей степени были направлены на формирование зоны безопасности совместно со своими европейскими партнерами, страна успешно заложила институциональный фундамент для выстраивания системы безопасности в Евразии.

Занявший пост министра иностранных дел в 1996 г. Е. Примаков выдвинул идею создания треугольника Москва — Пекин — Дели [8]. На тот момент идея являлась лишь концепцией, которая очертила потенциальный вектор развития многополярного мира и продвижения на пути к безопасной и стабильной Евразии. Отметим, что в конце 90-х гг. Китай и Индия политически не были готовы к подобному объединению (http://www.idsa.in/idsacomments/RussiaChinaIndiaTrilateralCalibratingaFineBalance_rndas_151110), однако впоследствии позиция России сыграла одну из ключевых ролей в выстраивании конструктивных отношений между двумя наиболее населенными государствами планеты.

Предложение Е. Примакова на несколько десятилетий опередило свое время, поскольку тогда, в 90-е гг., Китай еще не являлся таким сильным игроком в международной торговле и на мировой политической арене (то же самое можно сказать и про Индию). По-настоящему единая и безопасная Евразия возможна только при нахождении точек равновесия не только между Россией, Китаем и Индией, но и странами ЕС. Однако данная конфигурация в настоящий исторический момент не возможна, поэтому целесообразно создавать не единую евразийскую систему безопасности, а автономные военно-политические конструкции в Центральной и Южной Азии, которые впоследствии, при появлении благоприятной политической конъюнктуры, будут составной частью общей евразийской безопасности.

Российские подходы в большей степени охватывают территорию Центральной Азии, в которую входят страны постсоветского пространства. Причем за организацию механизмов по обеспечению безопасности в регионе Москва взялась сразу после демонтажа СССР. Первым шагом к этому стало подписание в 1992 г. Договора коллективной безопасности (ДКБ), который спустя 10 лет был переформатирован в военно-политический союз (ОДКБ), в состав которого входят Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Состав участников косвенно говорит о том, что в большей степени союз имеет азиатскую направленность, в границах Европы находятся всего два члена из шести. Отметим, что фактически с отказа Украины и Молдовы от участия в данном формате, объединение приобрело, в целом, азиатский характер, основываясь на обеспечении безопасности в Центральной Азии.

Преподаватель Бакинского государственного университета, доктор философии по политическим наукам А. Ибрагимов отмечает, что формирование ОДКБ не было вызвано наличием какой-либо серьезной региональной угрозы. На стадии создания происходили дезинтеграционные процессы в республиках бывшего СССР, что вынуждало их к сотрудничеству для укрепления своей собственной безопасности [9]. Отметим, что даже переформатирование в 2002 г. договора в формат военно-политического блока не было направлено против какой-либо силы на мировой политической арене, при этом указанное положение было прописано в тексте официального соглашения 2002 г. (http://www.kremlin.ru/supplement/3505).

Это обстоятельство в корне отличает мотивы образования ОДКБ от тех целей, которые преследовал СССР при формировании Организации Варшавского Договора в 1955 г. в качестве ответной меры по объединению стран западного блока в НАТО. Хотя кандидат исторических наук С. Кулик отметает, что в НАТО рассматривают ОДКБ как «новое перерождение ОВД» [10].

По мнению российских экспертов, одной из причин переформирования ДКБ в формат военно-политического союза — объединение в 2002 г. стало увеличение угроз, исходящих от Афганистана, что требовало консолидированного ответа стран Центральной Азии совместно с Россией для стабилизации обстановки [11]. Отметим, что Кабул в работе объединения играет далеко не последнюю роль: в 2013 г. Афганистан официально стал страной-наблюдателем в ОДКБ. С одной стороны, это обстоятельство расширило зону присутствия военно-политического союза за пределы постсоветского пространства, что выглядит крайне позитивно в свете евразийских стремлений России, но, с другой стороны, это обстоятельство формирует картину четкой ориентации ОДКБ на центральноазиатский регион, что не отвечает интересам всех стран-участниц.

Отметим, что де-юре Москва пытается позиционировать ОДКБ как евразийское объединение, в частности в состав стран-наблюдателей была принята Сербия. Однако этот шаг необходимо рассматривать с точки зрения политического позиционирования объединения, поскольку эпицентр деятельности сосредоточен именно в Центральной Азии, и зачастую в контексте специфической афганской проблемы.

Приведем конкретный пример. Борьба с терроризмом в Центральной Азии не входит в список приоритетных направлений ни для Белоруссии, ни для Армении. Российско-белорусские интеграционные связи, в том числе и в сфере безопасности, находятся также в правовой сфере союзного государства. При этом отметим, что президент Белоруссии А.Г. Лукашенко неоднократно подчеркивал, что именно Минск несет основную нагрузку в обороне «союзного государства от Черного до Балтийского моря». Глава белорусского государства в контексте совместной обороны также упоминал именно формат союзного государства России и Белоруссии (СГРБ), а не ОДКБ. Минск неоднократно высказывал свои сомнения относительно ОДКБ, в основном они были связаны с поддержанием стабильности политических режимов. Например, так было в 2010 г. после успешного завершения очередной цветной революции в Киргизии на фоне бездействия стран — участниц ОДКБ (http://actualcomment.ru/lukashenko_raskritikoval_odkb.html).

При этом многие члены объединения, особенно Казахстан, параллельно своему участию в ОДКБ продолжают активное сотрудничество с НАТО, несмотря на фактический разрыв связей между Россией и Североатлантическим Альянсом.

С точки зрения позиционирования союза необходимо отметить следующее: российские эксперты до 2014 г. предлагали пойти по пути налаживания связей между ОДКБ и НАТО, однако поддержки в Брюсселе по этому вопросу они не получили [12]. Подобный сценарий в теории мог быть неоднозначно воспринят Китаем, совместно с которым Россия реализует другой важный проект в Евразии — Шанхайскую организацию сотрудничества. Этот формат взаимодействия во многом является уникальным, поскольку объединяет в своем составе на данный момент такие страны, как Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Пакистан, Индия (http://rus.sectsco.org/news/20180610/443025.html). Общая территория входящих в ШОС стран составляет более 34 млн км, т.е. 60% территории Евразии. Общая численность населения стран ШОС составляет более 3 млрд чел. [13]. При этом в состав организации входят такие страны, как Индия и Пакистан, на протяжении многих лет находящиеся в состоянии перманентного конфликта.

История формирования ШОС уходит в середину 90-х гг., когда Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан встали на путь урегулирования исторических территориальных споров с Китаем. Так, в политическом словаре появился термин «Шанхайская пятерка», объединивший вышеуказанные страны.

Отметим, что процесс урегулирования территориальных споров занял определенное время, и последние соглашения между Россией и Китаем в этой сфере были заключены в 2005–2006 гг. (центральноазиатские республики завершили этот процесс раньше). Примечательной является история китайско-таджикских переговоров. В 1999–2000 гг. между двумя странами было подписано соглашение, согласно которому Душанбе передавал некоторые территории Пекину в рамках процесса демаркации границы, однако, в обмен на это Китай отказался от своих территориальных претензий, которые составляли до 25% от всей территории Таджикистана (https://regnum.ru/news/polit/1279394.html). Во многом заключение соглашения было обеспечено последовательной позицией России, которая оказывала постсоветским республикам полную политическую поддержку в переговорах с Поднебесной.

В июне 2001 г. в Шанхае прошла встреча глав государств «Шанхайской пятерки». Тогда пять

стран-участниц приняли в состав организации Узбекистан, что привело к переименованию организации в Шанхайскую организацию сотрудничества или «Шанхайскую шестерку». Кроме этого, состоялось формирование полноценной международной организации, целью которой стало выстраивание архитектуры безопасности в Центральной Азии при сопряжении интересов России и Китая. Основополагающими документами стали «Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества» (http://www.kremlin.ru/supplement/3406), «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (http://kremlin.ru/supplement/3405).

Среди целей ШОС, которые были закреплении в Хартии организации, принятой в 2002 г., необходимо особо выделить:

• укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;

• развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка;

• совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией (http://kremlin.ru/supplement/3450).

При этом отметим, что ШОС не является военно-политическим блоком с четкой организационной структурой по примеру НАТО или ОДКБ [14]. Данный подход характерен для китайской дипломатической линии, которая традиционно пытается устанавливать со своими партнерами теплые и доверительные отношения, при этом избегая каких-либо строго регламентированных соглашений и объединений. Исходя из этого подхода и появилась такая организация как ШОС. При этом эксперты отмечают, что Пекин в работу объединения пытается встроить и экономические аспекты [15].

Вместе с тем некоторые специалисты считают, что единственной причиной для сотрудничества России и Китая в рамках ШОС является недопуск в регион Центральной Азии третьих сил, в первую очередь США [16]. Отметим, что аналогичной точки зрения придерживаются и эксперты из известной американской «фабрики мысли» RAND (https://www.rand.org/blog/2015/05/how-durable-is-the-china-russia-friendship.html). Действительно, нельзя отрицать тот факт, что Москва и Пекин крайне не заинтересованы в появлении новых игроков в Евразии, тем более — их геополитического соперника в лице США, однако причины сотрудничества между двумя евразийскими державами лежат несколько глубже.

Предложенные оценки в некоторой степени были справедливы для ситуации середины 2000-х гг., когда шел процесс формирования организационной структуры ШОС, однако сейчас, после 10 лет активной работы, такие выводы уже не соответствуют действительности.

Эксперты RAND выделяют 4 основных приоритета в обеспечении китайских интересов в Центральной Азии: «Пекин заинтересован в поддержании безопасности в Центральной Азии в силу близости к своим границам. Пекин стремится поддерживать мир и легитимные режимы в странах Центральной Азии в свете уйгурской проблемы. Китай стремится усилить свое влияние в Центральной Азии и тем самым ограничить влияние других держав. Китай стремится продвигать свои экономические интересы в Центральной Азии и укреплять энергетическую безопасность» (https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR 525.html).

Китайские национальные интересы в большей степени ориентированы на торговлю и экономику, что несколько отличает их от российских приоритетов, но в принципиальных вопросах безопасности подходы Москвы и Пекина схожи.

Однако формат работы ШОС по-прежнему оставляет неразрешенными некоторые вопросы. Кандидат исторических наук, генеральный директор Российского совета по международным делам А. Кортунов отмечает: «…было бы преувеличением заявить, что в рамках ШОС сформировалась и осуществляется единая стратегия государств — членов в сфере безопасности. …Сама Шанхайская организация сотрудничества остается в значительной степени „геополитической витриной", призванной продемонстрировать эффективность „незападных" подходов к многостороннему взаимодействию и миропорядку в целом» (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shos-kamen-otvergnutyy-stroitelyami-novoy-evrazii). Действительно, подобная характеристика актуальна в контексте появления новых центров силы в лице Россия и Китая, которые совместно создают альтернативные глобальные институты, в том числе

в области безопасности, однако зачастую по-разному смотрят на механизмы и инструменты ее обеспечения.

Включение Индии и Пакистана в состав ШОС, по мнению российской стороны, должно стать эффективным инструментом если не по решению, то по стабилизации и «заморозке»исторического конфликта. Кандидат политических наук О. Харина отмечает, что привлечение двух стран в ШОС не только создает новую площадку для постоянных встреч и переговоров, но и позволяет Нью-Дели отслеживать потенциальное сближение Исламабада с Москвой и Пекином [17]. Однако индийские эксперты не разделяют данную точку зрения, выводя решение индо-пакистанского конфликта в формат двусторонних отношений без привлечения третьих сторон (https://ria.ru/20190304/1551523384.html). При этом западные эксперты констатируют, что включение Индии в ШОС не было изначально поддержано Китаем, поэтому Пекин скорее рассматривает данное расширение как площадку для решения региональных вопросов (борьба с терроризмом, афганская проблема), но не для устранения индо-пакистанского конфликта (https://www.rand.org/blog/2017/07/china-will-regret-indias-entry-into-the-shanghai-cooperation.html).

Доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества В. Иноземцев отмечает, что в настоящий момент «возвращение России в Европу возможно только через Азию» (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategiy/?sphrase_id=30445649). Аналогичной точки зрения придерживается и академик РАН, доктор политических наук, ректор МГИМО А. Торкунов: «Как это ни парадоксально, единственный реалистический путь российского „возвращения” в Европу сегодня проходит через Азию» (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vernetsya-li-rossiya-v-evropu/?sphrase_id=30445649). Действительно, отсутствие поддержки российских инициатив 2000-х гг., санкционная политика, ведущаяся против России с 2014 г. и ряд других негативных факторов свидетельствуют о том, что принципиальное изменение архитектуры безопасности в Европе возможно только при условии создания принципиально новой политической реальности в Азии, которая окажется для Старого света более приемлемой, в отличие от существующего евроатлантического порядка.

Рассматривая вопросы обеспечения безопасности в Азии, необходимо констатировать, что многие институты находятся на стадии формирования. При этом большой сложностью для Азии является то, что этот континент объединяет в себе целый ряд отличных друг от друга макрорегионов. В настоящий момент предпринимается попытка объединить на полях ШОС Центральную и Южную Азию и способствовать там формированию новой архитектуры безопасности, которая впоследствии может стать прообразом единой системы безопасности всего евразийского континента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базавлук С.В. Евразийство: терминологическая амбивалентность. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018;18(2):273–283.
2. Kramer M. The Myth of a No-NATO-Enlargement Pledge to Russia. *The Washington Quarterly. Elliott School of International Affairs*, 2009;32(2):39–61.
3. Журбей Е.В. Договор о европейской безопасности: перспективность российских инициатив. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2010;(1):81–91.
4. Глазьев С. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир; 2015.
5. Курылев К.П., Станис Д.В. Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутриполитической нестабильности. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2014;5(2):114–117.
6. Курылев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России. *Вестник РУДН, серия Международные отношения.* 2016;16(1):75–86.
7. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. URL: http://izvestia.ru/news/502761.
8. Иванова Н.И., ред. Наш Примаков. ИМЭМО РАН. М.: Магистр; 2016.
9. Ибрагимов А.Г. ОДКБ как инструмент региональной безопасности. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/0206eb_5e38eedba3ea4afea31b338b57f54b17.pdf.

10. Кулик С. Организация Договора о коллективной безопасности: Ответственная безопасность. М.: Институт современного развития; 2011.
11. Троицкий Е.Ф., Зиновьев Е.П. Организация договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза. *Русин*. 2018;(54):335–351.
12. Кулик С. Организация Договора о коллективной безопасности: Ответственная безопасность. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/387/387c908802e9e63682c179e862b81342.pdf.
13. Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. / Кожокин Е.М., ред. М.: РИСИ; 2005. 117 с.
14. Зимонин В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН; 2008.
15. Каукенов А. Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества. *Центральная Азия и Кавказ*. 2007;3(51):73–89.
16. Кольтюков А.А. Влияние Шанхайской организация сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН; 2008.
17. Харина О.А. Стратегические интересы Индии в ШОС: Энергетика и безопасностью *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2017;(17)3:508–517. DOI: 10.22363/231306602017173508517

REFERENCES

1. Bazavluk S.V. Eurasianism: Terminological ambivalence. Bulletin of RUDN University. Series: International relations. 2018;2(18):273–283. (In Russ.).
2. Kramer M. The Myth of a No-NATO-Enlargement Pledge to Russia. *The Washington Quarterly.— Elliott School of International Affairs*. 2009;2(32):39–61.
3. Zhurbej E.V. The Treaty on European security: the prospects of Russian initiatives. *Ecumene. Regional studies*. 2010;1:81–91. (In Russ.).
4. Glazyev S. Ukrainian catastrophe: From American aggression to world war? ("Izborsky club collection"). Moscow; 2015: 93. (In Russ.).
5. Kurylev K.P., Stanis D.V. Ethno-confessional situation in Ukraine as a factor of internal political instability. *Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*. 2014;5(Part 2):114–117. (In Russ.).
6. Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Zinkovskaya E., Rakhimov K.H. Eurasian Economic Union in the foreign policy strategy of Russia. *Vestnik of RUDN University, international relations series*. 2016;1(16):75–86. (In Russ.).
7. Putin V.V. A new integration project for Eurasia — the future that is born today. URL: http://izvestia.ru/news/502761 (accessed on 06.12.2019). (In Russ.).
8. Ivanova N.I., ed. Primakov Our. Moscow: Master; 2016:224. (In Russ.).
9. Ibragimov A.G. The CSTO as an instrument of regional security. In *Post-Soviet studies*. 2019;4(2). URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/0206eb_5e38eedba3ea4afea31b338b57f54b17.pdf (accessed on 06.12.2019). (In Russ.).
10. Troitskiy E.F., Zinoviev E.P. Organization of the collective security Treaty: formation, evolution and crisis of the military-political Union. *Rusyns*. 2018;54:335–351. (In Russ.).
11. Kulik S. Collective Security Treaty Organization: Responsible security. Moscow: Institute of modern development; 2011:32. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/387/387c908802e9e63682c179e862b81342.pdf (accessed on 06.12.2019). (In Russ.).
12. Kulik S. Collective Security Treaty Organization: Responsible security. Moscow: Institute of modern development; 2011:32. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/387/387c908802e9e63682c179e862b81342.pdf (accessed on 06.12.2019). (In Russ.).
13. Commissina I.N., Kurtov A.A. Shanghai cooperation organization. In: Kozhokin E.M., ed. Moscow: RISI; 2005:117. (In Russ.).
14. Zimonin V.P. Shanghai cooperation organisation and the Eurasian dimension of security. In *Shanghai cooperation organisation: towards new frontiers of development: Materials of the round table*. Moscow: Institute of Far East. Russian Academy of Sciences; 2008:202. (In Russ.).

15. Kaukenov A. China's Policy in the Shanghai cooperation organisation. *Central Asia and Caucasus.* 2007;3(51):73–89. (In Russ.).
16. Koltunov A.A. influence of the Shanghai organisation of cooperation on development and security in the Central Asian region. In *Shanghai cooperation organisation: towards new frontiers of development: Materials of the round table.* Moscow: Institute of Far East. Russian Academy of Sciences; 2008:257–258. (In Russ.).
17. Kharina O.A. India's strategic interests in the SCO: Energy and security. *Vestnik RUDN. Series: International relations*. 2017;(17)3:508–517. (In Russ.). DOI: 10.22363/23130660201717350851 7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Константин Петрович Курылев — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
kyrylev-kp@rudn.ru
Никита Сергеевич Данюк — кандидат исторических наук (PhD), первый заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
danyuk@isip.su
Евгений Викторович Семибратов — помощник директора Института стратегических исследований и прогнозов, аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
e-semibratov@mail.ru
Максим Андреевич Никулин — ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
nikulin-ma@rudn.ru

ABOUT THE AUTHORS

Konstantin P. Kurylev — Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.
kyrylev-kp@rudn.ru
Nikita S. Danyuk — Candidate of Sciences (History), First Deputy Director of the Institute for Strategic Studies and Forecasting, RUDN University, Moscow, Russia.
danyuk@isip.su
Evgeny V. Semibratov — Assistant Director of the Institute for Strategic Studies and Forecasting, PhD student at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.
e-semibratov@mail.ru
Maxim A. Nikulin — Assistant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.
nikulin-ma@rudn.ru

Заявленный вклад авторов:
Курылев К.П.— разработка концепции исследования.
Данюк Н.С.— работа над разделом «Безопасность в Азии».
Семибратов Е.В.— работа над разделом «Безопасность в Европе».
Никулин М.А.— работа над составлением выводов исследования.

The declared contribution of the authors:
Kurylev K.P.— development of the research concept.
Danyuk N.S.— work on the section "Security in Asia".
Semibratov E.V.— work on the section "Security in Europe".
Nikulin M.A.— work on drawing up the conclusions of the study.

Статья поступила 10.08.2019; принята к публикации 28.08.2019.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 10.08.2019; accepted for publication on 28.08.2019.
The authors read and approved the final version of the manuscript.